

A man in a dark suit and light shirt walks towards the camera on a wet, foggy city street at night. He is carrying a dark briefcase in his right hand. The street is illuminated by warm, glowing streetlights and neon signs, including a prominent red 'HOT' sign on the left. The fog creates a soft, atmospheric glow around the lights and the man.

Игорь Яшанов

ИЗНАНКА

18+

Игорь Яшанов

ИЗНАНКА

<https://litres.ru/74520307>

SelfPub; 2026

Аннотация

Обычный офисный курьер по имени Игорь, он работает курьером возит документы папки по Москве и даже не подозревал что есть Изнанка Москвы совсем другое измерение и ему суждено стать избранным который открывает дверь в Изнанку.

Игорь Яшанов

ИЗНАНКА

Содержание:

1. Пробка, чай и папка "Лично"
2. Метро которое дышит
3. Вера и карта разрывов
4. Проездной который не гаснет
5. Вадим Петрович знает больше
6. Смотритель на заброшенной станции
7. Бумаги с ошибками
8. Двойник, которого ждут
9. Предательство в офисе
10. Изнанка — это ловушка
11. Вера: правда и ложь
12. Новый Куратор
13. Побег из Изнанки
14. Москва, которая трещит
15. Разговор с собой
16. Мост
17. Контора
18. Освобождение
19. Дверь на Таганской
20. Курьер между мирами

ИЗНАНКА

Глава 1.

Пробка, чай и папка «Лично»

Будильник на телефоне сыграл ту же мелодию, что и вчера. И позавчера. И, если честно, все последние три года.

Я открыл глаза и некоторое время смотрел в потолок, пытаясь вспомнить, зачем мне всё это. Работа. Метро. Люди. Папки. Кофе из автомата за девяносто рублей, который на вкус как горячая вода, в которой кто-то помыл носки. Нет, правда, зачем?

Часы показывали 7:12. Я должен был встать в 7:00.

— Прекрасно, — сказал я вслух. В комнате никого не было, но говорить вслух в пустой квартире — это моя единственная роскошь. — Просто прекрасно.

Я жил в однушке на Люблинской. Не потому что любил Люблино, а потому что там дешевле. Девять этажей, панель, лифт, который работает через раз. По утрам из крана шла ржавая вода, по вечерам сосед сверху что-то ронял. Обычная московская жизнь, ничего личного.

Собрался за двенадцать минут. Это мой рекорд. Куртка, кроссовки, рюкзак. В рюкзаке — термос с чаем, зарядка, бутерброд и чувство собственного достоинства. Последнее — опционально.

На улице моросил дождь. Тот самый московский, который не дождь, а состояние души. Он не льёт, не капает — он просто висит в воздухе и делает всех вокруг слегка несчастными.

Я добежал до метро. Турникет пискнул, проездной мигнул зелёным. Спустился на платформу. Поезд пришёл через минуту.

Обычно я не замечаю метро. Ну, то есть замечаю, конечно, — как фон. Люди в наушниках, люди в телефонах, люди, которые спят стоя. Кто-то читает, кто-то смотрит в пол, кто-то смотрит сквозь тебя. Никто не смотрит друг на друга. Это правило. В московском метро смотреть на людей — почти неприлично. Как ковырять в носу.

Я ехал от Люблино до Чистых прудов. С пересадкой. Двадцать семь минут, если повезёт.

Не повезло.

Офис нашей фирмы назывался гордо: «СтройГарантБрокер». Что именно мы гарантировали и что брокерили — не знал никто, включая начальство. Мы возили документы. Точка. Я, Дима и Олег — курьеры. Вадим Петрович — начальник. Ещё была Наташа на ресепшене, которая всегда жевала жвачку и всегда смотрела на меня так, будто я ей что-то должен.

Я вошёл в офис в 9:04.

Вадим Петрович стоял у моего стола.

— Игорь, — сказал он.

Это плохой знак. Когда он говорит по имени — значит, либо опоздание, либо косяк. Когда по фамилии — значит, всё нормально. У него была такая система. Фамилия — ты винтик. Имя — ты проблема.

— Опоздал на четыре минуты, — сказал я. — Пробки.

— У тебя в Люблино какие пробки? — спросил он. — Ты на метро едешь.

— Пробки в душе, Вадим Петрович. Не мог выйти из зоны комфорта.

Он не оценил. Он никогда не оценивает. Вадим Петрович — мужчина лет пятидесяти, с лицом человека, который всю жизнь ждал чего-то лучшего и не дождался. Он носил один и тот же серый пиджак, и пахло от него старым одеколоном и разочарованием.

— Вот, — сказал он и бросил на стол папку.

Папка была необычная. Толстая, тёмно-коричневая, с за-вязками. На лицевой стороне — гриф красным: «ЛИЧНО». Ни адреса, ни имени. Просто «Лично».

— Таганская, — сказал Вадим Петрович. — Адрес внутри. Отдать лично в руки. Не оставлять, не передавать через секретаря, не терять. Понял?

— Понял.

— Это важно, Игорь. Очень важно. От этого зависит... — он запнулся, — ...репутация фирмы.

Я взял папку. Она была тяжёлая. Килограмма полтора, не меньше. Что там, кирпичи?

— И ещё, — Вадим Петрович понизил голос. — В метро

не спускайся.

Я моргнул.

— В смысле?

— На Таганской ремонт. Вестибюль закрыт. Иди пешком от Китай-города. Или на такси. Но в метро — не надо.

— Вадим Петрович, у меня проездной.

— Я тебе дам на такси, — сказал он и полез в кошелёк.
— Вот. Тысяча. Доедешь.

Это было странно. Вадим Петрович никогда не давал денег на такси. Вадим Петрович вообще никогда не давал денег. Я взял купюру, потому что отказываться было бы ещё страннее.

— Хорошо, — сказал я. — Не спускаюсь.

— Умница, — сказал он. И ушёл в свой кабинет.

Наташа на ресепшене перестала жевать жвачку и посмотрела на меня. Долго. Потом снова начала жевать.

Я сел за стол и открыл папку. Внутри был конверт. А4, запечатанный, с адресом, написанным от руки. Никаких координат, никаких имён. Просто адрес: Таганская, 12, стр. 3, кв. 47.

Я не знал такого дома. Но мало ли.

Работа есть работа.

До Китай-города я доехал нормально. Вышел, поднялся по эскалатору, глотнул влажного воздуха. Дождь усилился. Я прошёл мимо ГУМа, мимо гостиницы «Метрополь», свернул на Варварку. Впереди была Таганка, но идти туда пешком — минут сорок. Неохота.

Я посмотрел на телефон. Время — 11:47.

В кармане лежала тысяча на такси. Но где-то глубоко в голове, в том самом месте, где живёт лень, кто-то прошептал: «А зачем? Проездной есть. Одна остановка. Никто не узнает».

Вадим Петрович сказал: не спускайся.

Но Вадим Петрович — это Вадим Петрович.

Я спустился на Китай-городе.

Платформа была почти пустая. Я это сразу отметил, хотя не придавал значения. Обычно на Китай-городе в обед — толпа. А тут — три человека. Старуха с сумкой на колёсиках. Мужик в наушниках. И парень в куртке, который смотрел в телефон.

Я встал у края. Поезд должен был прийти через минуту. На табло горело: 00:47.

Стоп.

00:47?

Я посмотрел на часы. 11:48. Табло показывало 00:47. Не «11:48». Не «время до поезда». Просто «00:47».

Я моргнул. Табло мигнуло и снова стало нормальным: 11:48.

Показалось.

Поезд пришёл. Я вошёл в вагон. Двери закрылись.

И тут я понял, что еду не в ту сторону.

Я должен был ехать до Таганской. Но поезд шёл по кольцу, а не по прямой. Я посмотрел на схему над дверью. Она была странная. Станции я знал, но порядок их был другим. И ещё — между «Китай-городом» и «Таганской» появилась станция, которой я никогда не видел.

«Тишина».

Я уставился на неё. «Тишина». Чёрная точка на схеме. Я знал московское метро. Я знал его наизусть — все ветки, все пересадки, все выходы. Такой станции не существовало.

Я достал телефон. Карты не грузились. Вообще. Экран горел, но вместо карты — серое поле.

Поезд замедлил ход.

— Следующая станция — Тишина, — сказал голос из динамика.

Голос был неправильный. Слишком ровный. Без интонации. Как будто читал робот, которого никто не учил читать.

Вагон остановился. Двери открылись.

Я выглянул.

Платформа была пустая. Абсолютно. Белый кафель, холодный свет, ни души. И тишина. Такая, что слышно, как звенит в ушах.

Я не вышел.

Двери закрылись. Поезд поехал дальше.

Я выдохнул.

И тут я увидел, что папка в моём рюкзаке стала тёплой.

Я расстегнул рюкзак и достал её. Тёмно-коричневая, с завязками. Она была тёплая, как грелка. Я её открыл. Конверт внутри лежал на месте. Но на конверте — я готов был поклясться — минуту назад адрес был написан чёрной ручкой.

Теперь он был написан красной.

Таганская, 12, стр. 3, кв. 47.

Всё то же самое. Но красным.

Я закрыл папку. Положил в рюкзак. Решил, что мне ка-

жется. Что я устал. Что это просто нервы.

Поезд остановился.

— Станция — Таганская, — сказал голос.

Я вышел.

Платформа была пустая. Это было первое, что я заметил. На Таганской в обед — всегда люди. Всегда. Даже в выходные. А тут — никого.

Я поднялся по эскалатору. Эскалатор работал, но тоже как-то странно. Гудел громче, чем обычно. И лампы мигали.

Вестибюль был закрыт. Я это сразу увидел — решётка, табличка «Ремонт». Но решётка была приоткрыта. На сантиметр. Может, на два.

Я подошёл. Заглянул.

За решёткой был коридор. Длинный, тёмный. И в конце коридора — дверь.

Она была старая. Деревянная, крашеная в зелёный. Такие двери бывают в старых московских домах — с облупившейся

краской и латунной ручкой. На двери было что-то написано. Я прищурился.

«ВЫХОД».

Но это был не выход.

Я стоял и смотрел на неё. Долго. Наверное, минуту. Или две. Или десять — я потерял счёт.

Надо было уйти. Позвонить Вадиму Петровичу. Сказать, что Таганская закрыта, что я не могу доставить папку. Отдать тысячу, взять такси, поехать домой.

Но я стоял.

И смотрел.

И где-то внутри меня — в том самом месте, где живёт не лень, а что-то другое, глубокое, старое, — что-то отозвалось.

Я толкнул решётку. Она поддалась.

Я вошёл в коридор.

Запах был странный. Не метро. Не пыль. Пахло озоном.

Как перед грозой. Как после молнии.

Я подошёл к двери. Ручка была холодная. Я положил на неё руку.

И тут дверь открылась сама.

За ней был свет. Не белый, не жёлтый — просто свет. И тишина. Такая же, как на станции «Тишина».

Я посмотрел на часы. 11:59.

Я посмотрел на папку. Она была тёплая. Я посмотрел в дверь.

И шагнул.

Глава 2.

Метро, которое дышит

Я ожидал удара. Или падения. Или хотя бы сквозняка.

Ничего.

Я просто стоял. На том же месте. В том же коридоре. Только дверь за спиной исчезла.

Я обернулся. Стена. Обычная стена, покрашенная в грязно-бежевый. Ни двери, ни ручки, ни намёка. Я потрогал её. Холодная. Настоящая.

— Так, — сказал я вслух. — Так-так-так.

Голос прозвучал глухо. Как в вате. Или как в наушниках, когда играет тишина.

Я посмотрел вперёд. Коридор вёл к платформе. Я узнал его — это был выход с Таганской, только... другой. Плитка на полу была не серой, а чуть зеленоватой. Лампы на потолке горели ровно, без мигания. И пахло не озоном, а чем-то другим. Чем-то тёплым. Как будто рядом пекли хлеб.

Я вышел на платформу.

И остановился.

Таганская. Я узнал её. Колонны, своды, мозаика на стенах. Но всё было чуть-чуть не так. Мозаика изображала не космонавтов и не рабочих, а что-то другое. Я присмотрелся. Люди. Много людей. Они стояли в кругу и держались за руки. Лица у них были спокойные. Слишком спокойные.

Я перевёл взгляд на платформу.

Люди были. Много. Но они не разговаривали. Вообще. Никто не смотрел в телефон — телефонов у них не было. Никто не читал. Они просто стояли и ждали поезд. Молча. Все. Как один.

И ещё — глаза. У всех глаза были чуть светлее, чем должны быть. Не светящиеся, нет. Просто... как будто в них было больше света. Или меньше тени.

Я почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— Извините, — сказал я. Громко. Слишком громко.

Никто не обернулся. Никто не вздрогнул. Как будто я не сказал ничего. Как будто меня не было.

Я подошёл к женщине в пальто. Лет сорока, с сумкой.

— Извините, — повторил я. — Это Таганская?

Она посмотрела на меня. Медленно. Спокойно.

— Да, — сказала она. Голос был ровный. Как у диктора.
— Таганская.

— А... какой это город?

Она моргнула. Один раз. Медленно.

— Москва, — сказала она. И отвернулась.

Москва. Значит, Москва. Просто другая.

Я отошёл к колонне и прислонился. Ноги были ватные. Голова кружилась. Я достал телефон. Экран горел, но сети не было. Ни одной палочки. Ни Wi-Fi, ни GPS. Время показывало 12:00. И не менялось.

Я убрал телефон. Посмотрел на папку. Она всё ещё была тёплая. Я открыл её. Конверт лежал на месте. Адрес — красным. Таганская, 12, стр. 3, кв. 47.

Ладно. Ладно. Значит, надо доставить.

Я вышел в город.

Москва была та же. И не та.

Я узнавал улицы. Таганская площадь, радиальные, высотка у Красных Ворот вдалеке. Но дома были другие. Чуть выше. Чуть светлее. Окон больше. И людей — меньше. Не

пусто, нет. Но как-то... разреженно. Как будто кто-то убрал каждого третьего.

Машины ездили. Но бесшумно. Совсем. Ни гудков, ни рёва двигателей. Только шорох шин по асфальту.

Я шёл по улице и чувствовал себя инородным телом. Люди смотрели на меня. Не враждебно. Просто смотрели. Долго. И отводили взгляд.

Я нашёл дом. Таганская, 12, стр. 3. Обычный дом. Пятиэтажка. Подъезд открыт. Я вошёл. Лестница. Запах — не сырости, а чего-то травяного. Как в аптеке.

Квартира 47. Четвёртый этаж. Я поднялся. Позвонил.

Тишина.

Позвонил ещё раз.

Дверь открылась.

На пороге стояла женщина. Лет шестидесяти пяти. Светлые волосы, собранные в пучок. Приятное лицо. Доброе. И глаза — замысловатые. Я не знаю, как это описать. Они смотрели на меня так, будто знали всё. Всю мою жизнь. Все мои

мысли. И всё равно улыбались.

— Игорь, — сказала она. — Наконец-то.

Я замер.

— Мы не знакомы, — сказал я.

— Теперь знакомы, — сказала она. — Меня зовут Вера. Входи.

Глава 3.

Вера и карта разрывов

Квартира была небольшая. Три комнаты, кухня, коридор. Но чистая. Очень чистая. Как будто здесь никогда не жили. Или как будто жили, но не оставляли следов.

Я стоял в прихожей и не снимал куртку.

— Проходи, — сказала Вера. — Не бойся. Я не кусаюсь.

— Я не боюсь, — соврал я.

— Боишься. Это нормально. Все боятся в первый раз.

Она прошла на кухню. Я — за ней. Медленно. Оглядываясь.

Кухня была обычная. Стол, две табуретки, газовая плита. Чайник. На стене — карта. Большая. Метро. Но не такое, как я знал. Линии были другие. Станции — другие. И ещё — поверх карты были нарисованы круги. Красные. Синие. Чёрные. Как будто кто-то отмечал что-то. Или кого-то.

Вера села за стол. Показала на табуретку.

— Садись. Чай будешь?

— Буду, — сказал я. Потому что чай — это нормально. Чай — это якорь. Пока пьёшь чай, всё не так страшно.

Она налила. Из обычного чайника. В обычные кружки. Чай был чёрный, крепкий, с чем-то травяным. Я сделал глоток. Тепло. Нормально. Почти как дома.

— Итак, — сказала Вера. — Ты хочешь знать, где ты.

— Да.

— Ты в Москве.

— Это не Москва.

— Это Москва, — сказала она. — Просто другая. Мы называем её Изнанка.

— Изнанка, — повторил я. — Как изнанка одежды?

— Примерно. Ты когда-нибудь задумывался, что у каждого города есть изнанка? Не в смысле бедные кварталы. А в прямом смысле. Второй слой. Как у ткани.

Я посмотрел на карту на стене.

— И вы здесь живёте?

— Живём, — сказала Вера. — Уже давно. Очень давно.

— Сколько?

Она улыбнулась. Замысловато. Как будто я спросил что-то смешное.

— Дольше, чем ты думаешь. Но это неважно. Важно другое. Ты здесь не случайно.

Я поставил кружку.

— Я здесь случайно. Я просто спустился в метро. Мне нужно было доставить папку.

— Папку, — сказала Вера. — Покажи.

Я достал папку. Положил на стол. Вера посмотрела на неё. Долго. Потом провела пальцем по грифу «ЛИЧНО».

— Кто дал тебе это?

— Начальник. Вадим Петрович.

— Вадим, — сказала Вера. И что-то мелькнуло в её глазах. Что-то тёмное. — Вадим ещё жив?

— Жив. А что, должен был умереть?

Она не ответила. Встала, подошла к плите, налила себе чай. Стояла спиной ко мне. Молчала.

— Вера, — сказал я. — Что происходит?

Она обернулась. Лицо было спокойное. Доброе. Как у бабушки. Но глаза — нет. Глаза были старые. Очень старые.

— Ты когда-нибудь слышал о курьерах? — спросила она.

— Я сам курьер.

— Нет. Я не о тех, кто возит бумажки. Я о других. О тех, кто возит между мирами.

Я молчал.

— Таких, как ты, — сказала Вера. — Их немного. Они появляются раз в десять, двадцать лет. Люди, которые могут проходить через двери. Не все. Только те, у кого есть... — она запнулась, — ...связь.

— Какая связь?

— Якорь, — сказала она. — Внутри. Что-то, что держит тебя в обоих мирах одновременно. Ты не замечал? Что тебе иногда снится метро? Что ты иногда слышишь гудок поезда, когда его нет? Что ты иногда чувствуешь, что ты не совсем здесь?

Я хотел сказать «нет». Но не сказал. Потому что это было правдой. Я никогда об этом не думал. Но это было правдой. Метро снилось. Гудок слышался. И иногда, в толпе, я чувствовал, что я не совсем здесь. Как будто я наполовину где-

то ещё.

— Замечал, — сказал я тихо.

— Вот, — сказала Вера. — Поэтому ты здесь.

Она села обратно. Взяла папку. Развязала завязки. Открыла. Достала конверт. Посмотрела на адрес. Красный.

— Это якорь, — сказала она. — Каждая папка, которую ты возил, — это якорь. Ты соединял миры. Ты не знал. Но ты делал это.

— Зачем?

— Затем, что кто-то хочет открыть двери. Все двери. Чтобы миры слились. Изнанка и Москва. В один. И управлять им.

— Кто?

— Контора, — сказала Вера. — Они называют себя так. Они везде. В твоём офисе. В твоём метро. В твоей голове.

Я посмотрел на папку. На конверт. На красный адрес.

— И Вадим Петрович? Он тоже?

— Вадим, — сказала Вера, — это отдельный разговор. Он был моим... — она замолчала. — Неважно. Важно то, что ты здесь. И то, что ты можешь вернуться.

— Могу?

— Можешь. Дверь откроется снова. В 00:03. Через двенадцать часов.

— Двенадцать часов?

— Время здесь идёт по-другому. Час здесь — десять минут там. Ты вернёшься в тот же день. В 12:01. Как будто ничего не было.

Я выдохнул. Облегчение. Настоящее. Как глоток воздуха.

— Но есть условие, — сказала Вера.

— Какое?

— Ты должен вернуться не один. Ты должен взять меня с собой.

Я посмотрел на неё. На её светлые волосы. На её доброе лицо. На её старые глаза.

— Зачем?

— Потому что я должна найти одного человека, — сказала она. — В твоей Москве. Я не могу пройти сама. Мне нужен курьер.

— Почему я?

— Потому что ты — ключ, — сказала Вера. — Не тот, которым открывают. Тот, которым закрывают.

Она встала. Подошла к стене. Отодвинула карту. Под ней была другая. Фотографии. Много. Люди. Разные. Мужчины. Женщины. Молодые. Старые.

И среди них — я.

Я подошёл ближе. Фото было чёрно-белое. Я. В куртке. С рюкзаком. Смотрел в камеру. Улыбался. Как будто не знал, что будет дальше.

Под фото была подпись, написанная от руки. Аккуратным почерком.

«Курьер Игорь. Пропал 3 месяца назад».

Я смотрел на фото. Долго. Очень долго.

— Это не я, — сказал я.

— Это ты, — сказала Вера. — Просто ещё не знаешь.

— Я не пропадал. Я здесь. Я живой.

— Ты живой, — согласилась Вера. — Сейчас. Но через три месяца — пропадёшь. Если не сделаешь то, что нужно.

— Что нужно?

Она посмотрела на меня. Добро. Замысловато. И в её глазах было что-то, чего я не хотел видеть.

— Довериться мне, — сказала она. — И не задавать лишних вопросов.

Глава 4.

Проездной, который не гаснет

Двенадцать часов.

Я провёл их в квартире Веры. Она не выпускала меня. Говорила: «Рано. Нельзя. Контора следит».

Я сидел на кухне. Пил чай. Смотрел в окно. Изнанка жила своей жизнью. Люди ходили. Машины ездили. Бесшумно. Спокойно. Как будто всё хорошо. Как будто всё правильно.

Но я знал, что это не так.

Вера дала мне карту. Свою карту. Не метро — разрывов. Красные круги — открытые двери. Синие — закрытые. Чёрные — те, которые нельзя открывать. Никогда.

— Их немного, — сказала она. — Чёрных. Три. Одна на Таганской. Одна на Соколе. Одна — на заброшенной станции. Ты её не найдёшь на карте. Она есть только здесь.

— Что за станция?

— Тишина, — сказала Вера. — Ты её проехал. Помнишь?

Я помнил. Пустая платформа. Белый кафель. Звонящая тишина.

— Что там?

— Ничего, — сказала Вера. — И всё. Там дверь. Главная. Та, которую Контора хочет открыть. Та, которую ты должен закрыть.

— Я?

— Ты, — сказала она. — Но не сейчас. Сначала — вернуться. Потом — найти. Потом — закрыть.

— А если я не хочу?

Она посмотрела на меня. Добро. Замысловато.

— Тогда через три месяца тебя найдут мёртвым. И Изнанка, и Москва сгорят. И всё, что ты любишь, исчезнет.

Я замолчал.

В 23:50 Вера встала.

— Пора.

Мы вышли. Улицы были пустые. Ни людей, ни машин. Только свет. Холодный. Белый. Как в операционной.

Шли молча. Я — за Верой. Она — впереди. Уверенно. Как будто знала дорогу наизусть. Наверное, знала.

Вошли в метро. Таганская. Пустая. Тихая. Только эскалатор гудел. И лампы мигали.

— Вниз, — сказала Вера. — На платформу.

Спустились. Платформа была та же. Мозаика. Колонны. Люди — нет. Никого. Только мы.

Вера остановилась у края.

— Дверь откроется в 00:03. Ровно. Ты войдёшь первым. Я — за тобой. Не оборачивайся. Не сомневайся. Просто иди.

— А если я обернусь?

— Тогда останешься здесь. Навсегда.

Я посмотрел на часы. 23:58.

— Вера, — сказал я. — Почему вы помогаете мне?

Она улыбнулась. И в этой улыбке было столько всего, что я не смог прочитать.

— Потому что я была такой, как ты, — сказала она. —

Много лет назад. Я тоже спустилась в метро. Я тоже увидела дверь. Я тоже вошла. И я не вернулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.